

Валентин Беленчиков

Wspriятие русской философии немецкими экспрессионистами : ч. I

Studia Rossica Posnaniensia 23, 3-10

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

HISTORIA LITERATUREY

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НЕМЕЦКИМИ ЭКСПРЕССИОНИСТАМИ (Ч. I)

THE RECEPTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE ENVIRONMENT OF GERMAN EXPRESSIONISTS (PART I)

ВАЛЕНТИН БЕЛЕНЧИКОВ

АБСТРАКТ. The author points to the exceptionally important role of Russian idealistic philosophy and anarchistic ideas in the activities of two German expressionist journals "Die Weißen Blätter" and "Die Aktion".

Valentin Belentschikov, Pädagogische Hochschule, Sektion Slavistik/Anglistik, Am Neuen Palais, Potsdam 1571, BRD.

Русская философская мысль начинает интенсивнее проникать в Германию лишь с 1880-х гг., и связана в значительной степени с издательской и переводческой деятельностью М. Драгоманова и К. Кавелина, издававших произведения Кошелева, Белинского, Герцена, Бакунина и др. Но как объект восприятия русская мысль получает распространение только после первой русской буржуазно-демократической революции, доказавшей Западу способность русского народа к модернизации общественных начал. Именно тогда более известными становятся имена Киреевского, Чаадаева, Вл. Соловьева. Так, в экспрессионистских кругах Пфемферта и Шикеле популяризировались произведения и идеи И. Киреевского, Бакунина, Кропоткина, Герцена, Вл. Соловьева, Д. Мережковского, а после Октябрьской революции Ленина, Троцкого, Зиновьева и др.

Интерес к русской общественной мысли был вызван одновременно и классической литературой, которую в свою очередь можно было глубже понять в контексте теории. Общеизвестным в Европе было увлечение русскими писателями и мыслителями идеями французских социалистов-утопистов, немецких философов-идеалистов, главным образом Гегеля, Фихте, Шеллинга, а на рубеже XIX и XX вв. в кругах русских философов и литераторов широкое распространение получили идеи Марбургской философской школы, что было хорошо известно на

Западе. Естественно, что до 1880-х гг. Запад менее всего верил в самостоятельность и ценность русской философской мысли, еще меньше, чем в литературу.

Восприятие Достоевского и Вл. Соловьева проникало в Германию в „экспрессионистское десятилетие“, то есть в историческом процессе, обусловленном революциями, мировой войной и предчувствиями близящейся катастрофы эти два потока – художественный и философский – сблизились. Синхронно подобный процесс происходил также в кругах русской интеллигенции, искавшей в философии Вл. Соловьева опору новым теориям. Центральной идеей передовой русской мысли, от которой исходила самостоятельность, было понятие „русский социализм“, или „философский социализм“ – своего рода синтез идей французских социалистов-утопистов с философией Гегеля, Шеллинга, связываемых с целями освободительного движения¹. Эта идея объединяла и славянофилов, и западников. Уже в середине XIX столетия Герцен отметил родство всех прогрессивных сил России: „А социализм, разве он не признан славянофилами так же, как нами“². Этой идеей пользовались Бакунин, Чернышевский, Нечаев, Достоевский, Толстой, Плеханов и др. Сущность первоначального „русского социализма“ характеризовалась рядом специфических признаков, наложивших отпечаток на его восприятие в особенности в начале нашего века:

- критическое отношение к Западу всех русских направлений,
- внутренняя противоречивость русского национализма по отношению к Западу: подчеркивание своих достоинств и умаление чужих достижений,
- признание преимуществ собственной отсталости, представляющую своего рода *tabula rasa*, которую легче наполнить настоящими ценностями, то есть оптимизм в пессимизме,
- восхваление русской общины как пути преодоления пропасти между Востоком и Западом, очевидная утопия в утопии и, наконец,
- религиозная постановка вопросов, сопоставимость православия и католичества как важнейшего условия сближения народов и т.д.

Проблема Востока и Запада стала важнейшей темой в восприятии русских писателей и мыслителей в Германии; имена Киреевского, Бе-

¹ См. подр. И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос, *Революционные традиции в России 1783 - 1883 гг.*, Москва 1986, с. 132 - 133. Авторы данного труда высказывают также мысль о просветительской, социальной индифферентности русского православия по сравнению с католичеством и протестанством. „В отличие от католичества и протестанства на Западе, – пишут они, – российское православие сторонилось светских, социально-политических проблем. Поэтому оно мало способствовало делу образования; вплоть до XIX в. церкви не удалось добиться даже поголовной грамотности священнослужителей“ (указ. соч., с. 47).

² А. И. Герцен, *Собр. соч. в 30-ти тт.*, т. 7, с. 248.

линского, Федорова, Леонтьева, Данилевского, Страхова, Лосского, Флоренского, Е. Трубецкого и до Вл. Эрна, основателя Московского религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева, привычно связываются с вышеназванными проблемами. Русская мысль, получившая в „экспрессионистское десятилетие” распространение как идея „всеединства”, „общечеловека”, связывала и философскую мысль и классическую литературу, главным образом Вл. Соловьева и Достоевского. Одним из основных источников познаний служило двухтомное сочинение Масарика 1913 года *Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie*. Кроме того, отдельно появились издания сочинений Киреевского, Герцена, Вл. Соловьева и др. Вышеупомянутая русская мысль от национального единства до общечеловеческого прошла почти столетний путь развития.

В науке об истории общественной мысли уже в начале XX в. в Германии утвердилось единодушное мнение в приоритете И. Киреевского, как первом русском мыслителе XIX века, давшем сильный импульс последующим ученым. Так оценивали его в кругах Пфемферта и Шикеле. В наследии Киреевского два произведения обращали особое внимание: *Девятнадцатый век* и *О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России*. Немаловажную роль играл в восприятии тот факт, что взгляды Киреевского складывались под влиянием Великой Французской революции. Отсюда истоки идеи „единства” вообще, перешедшую позднее во „всеединство”. Но эта идея трансформировалась Киреевским в силу русских обстоятельств начала XIX в. в чисто национальную идею с сильным привкусом национализма. Рассматривая в этом направлении понятия свободы, разума, человечества, он называл направление умов после Великой Французской революции „разрушительным”³, с попытками „насильственного соединения”, ведущих все же к „мирительному соглашению враждующих начал”⁴. Дух революции Киреевский выражал в символике семи звезд со значением веры, песнопения, любви, славы, свободы, дружбы и надежды. Элементы этих символов переходили, варьировались в творчестве классиков вплоть до символистов. В современной советской науке тезис влияния Великой Французской революции распространяется на вопросы просветительства и идейной общности народа⁵. На наш взгляд, несмотря на налет позднего мистицизма, Киреевский мыслил и объективно в этом отношении.

В частности, он писал в упомянутом труде следующее: „Сколько бы мы ни были врагами Западного просвещения, западных обычаев и т. под.,

³ Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в двух томах, под ред. М. Кершензона, т. I, Москва 1911, с. 87-88.

⁴ Там же, с. 87.

⁵ Ю. Манн, *Эстетическая эволюция И. Киреевского*. В кн.: И. В. Киреевский, Критика и эстетика, Москва 1979, с. 17.

но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какой-нибудь силой истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжении двухсот лет”⁶. Обособленность, оригинальность Киреевского подчеркивал и Герцен: „Совершенной близости, сочувствия у него не быши, он не разделял пренебрежения ко всему европейскому новым старообрядцев”⁷.

Утопические рассуждения Киреевского о самостоятельности преодоления Россией пропасти с помощью обращения к допетровским нормам бытия неизбежно вели в тупик последующих утопий. Он ставил и вопрос, что может дать Россия Западу. Не давая прямого ответа, кроме восхваления русского типа, Киреевский лишь поставил вопрос, который будет занимать последующие русские умы. Но в его время эту гипотезу Герцен высмеял: „Самое сильное влияние, – писал он, – словенского мира на Европу состоит в распространении польки: танцуют-то они по-словенски, да ходят-то по-европейски”⁸.

Здесь важно помнить, что Киреевский высказал идею, которая получила особенное развитие в Германии в начале XX века – зависимость проблем единства и разобщенности Востока и Запада от их разности религиозных и исторических путей развития⁹. Эта постановка вопроса интересовала немецких ученых начала XX в. Харнака, Шелера, Копаля и др., произведения которых дискутировались экспрессионистами. При этом высказывались прямо противоположные точки зрения – от сопоставимости двух религий до полного отрицания гипотезы единства народов. За этой дискуссией угадывалась мысль принципиально „нового человека” будущего, синтезирующего как восточные, так и западные достижения и традиции.

Выступая за национальное единство, Киреевский естественно видел в русском человеке лишь положительные черты „трезвый ум и цельность духа, внутреннюю цельность самосознания”¹⁰. Подводя итоги своим рассуждениям о человеке, отличиях западного от восточного типа, он установил в них „раздвоение и цельность, рассудочность и разумность”¹¹. Таким образом, истоки главных тенденций критики и восприятия русской мысли можно найти у Киреевского. За рассуждениями Киреевского можно увидеть и развитый в дальнейшем принцип сопоставительного исследования: диалектика отношения национального и интернационального.

---

⁶ *Полное собрание сочинений И. В. Киреевского...*, т. I, с. 110.

⁷ А. И. Герцен, указ. соч., т. 9, с. 159.

⁸ Там же, т. 2, с. 138.

⁹ *Полное собрание сочинений И. Киреевского...*, т. I, с. 111.

¹⁰ Там же, с. 211-212.

¹¹ Там же, с. 218.

Следующая ступень в развитии русской мысли после И. Киреевского в связи с проблематикой Востока и Запада ассоциировалась в экспрессионистских кругах с именем Н. Я. Данилевского, которого переводил и пропагандировал К. Нётцель¹². В своем широко известном труде *Россия и Европа* Данилевский развивал наиболее консервативную идею И. Киреевского сделать русских по русскому образцу, что вытекало для последнего из *Общественного договора* Руссо. Данилевский выдвинул также тезис о неспособности русских к революционному переустройству общества. Именно этот тезис особенно оспаривал Нётцель перед и после Октябрьской революции. Он писал в послесловии своего перевода труда Данилевского, подчеркивая и положительные его высказывания:

Indem ebenso, wie sich Danilewskijs Voraussage: eine eigentliche, d.h. soziale Revolution werde es in Rußland niemals geben, als grotesk unrichtig erwiesen hat, ebenso prophetisch richtig erkannte er die eigentliche Berufung Rußlands darin, Westeuropa den Weg zu weisen zu einem endgültigen Ausgleich zwischen seinem wirtschaftlichen Dasein und seinem sittlichen Erlebnis. Was wir heute in Rußland erleben, ist trotz aller zeitlich bedingten Mängel, der Wellenrichtung nah, zweifellos der Anfang hierzu Rußlands eigentliche Kulturmission hat begonnen¹³.

Далее, Данилевский призывал славян к единству, но против Запада. Апологет Данилевского, Н. Страхов, разочаровавшийся в революционном движении и отрицавший значение Великой Французской революции, говорил вслед за французским философом Ренаном о „славянском пессимизме”, имея ввиду распространяемое на Западе восприятие Достоевского и Л. Толстого, которые „поразили французов своим христианским смирением”¹⁴. Страхов одним из первых начал ожесточенную полемику с Соловьевым вокруг книги Данилевского *Россия и Европа*, отставивая его теорию культурно-исторических типов, национализма. Сущность критики Соловьева заключалась в том, что патриотизм Данилевского является, по его мнению, „узким и юродивым” особенно в период русско-турецкой войны 1878 - 1879 гг.; не единство славян, а единство

¹² В противоположность Харнаку, Шелеру еще в период первой мировой войны Нётцель отстаивал точку зрения преимущественного отражения в произведениях русской классики социальной стороны общественного бытия, утверждая: „Hier schöpfen die russischen Dichter. Und vielleicht sind manche von ihnen nur deshalb so groß, weil sie an einem Urquell sitzen, wie ihn kein westeuropäischer Dichter zur Seite hat” („Der neue Merkur”, 1. Jg, Bd. 2, 1914 - 1915, с. 590). В другом труде Нётцель оспаривал идею Страхова „ядра” и „верхнего слоя” в русском обществе, утверждая, что „die Kluft zwischen dem russischen Intelligenzen und dem russischen Bauern doch nicht als so unüberbrückbar erscheinen” (К. Нётцель, *Die soziale Bewegung in Rußland. Ein Einführungsversuch auf Grund der russischen Gesellschaftslehre*, Bln. u. Leipzig 1923, с. 172). Список русских работ Нётцеля см. Kürschners *Deutscher Literatur-Kalender. Nekrolog 1938 - 1970*, Berlin u. New York 1973.

¹³ N. J. Danilewsky, *Rußland und Europa. Eine Untersuchung über die kulturellen und politischen Beziehungen der slawischen zur germanisch-romanischen Welt*, Stuttgart u. Berlin 1920, с. 329.

¹⁴ Н. Н. Стахов, *Борьба с Западом в нашей литературе*, кн. 3, Киев 1898, с. 60 - 61.

вообще всех народов – цель, к которой должен стремиться русский народ. Страхов же противопоставлял Соловьеву „великие достоинства” России, прославлял все славянское, разделяя русский народ на „ядро” и „верхний слой”, где „ядро” – это подлинно русский народ с его древними обычаями, нравами, интуицией, а „верхний слой” – сторонники мировой цивилизации – предрены „выветриться”¹⁵.

Между идеей Киреевского национальной общности и мыслью Вл. Соловьева „всеединства” есть еще важная станция – философ Н. Ф. Федоров, родоначальник русского космизма. Он остался неизвестным в Германии начала нашего века, его не упоминал и Масарик, но здесь нужно кратко сказать о нем, поскольку его значение в развитии русской философии, известной экспрессионистам под именем Вл. Соловьева, было исключительно велико¹⁶. В своем главном труде, книге *Философия общего дела*, Федоров высказал мысли о роли Великой Французской революции для прогресса России и всего человечества, о проблемах православия и католичества, добра и зла, жизни и смерти, восточной и западной цивилизации, всеобщего единства и т.д., то есть те вечные вопросы, которые высказывали в художественных произведениях его великие современники Достоевский и Л. Толстой и которые затем получили распространение в Германии, в том числе особенно у экспрессионистов.

Федоров, отрицая одновременно западную цивилизацию и русский социализм, резко критикуя теорию сверхчеловечества или супраморализм Ницше¹⁷, выдвинул „сверхзадачу” для человечества – объединение всех людей для „общего дела”, „истинного дела”, под которым он имел в виду объединение людей в труде во имя совместного совершенствования и преобразования природы на пользу человечества. „Дело же человечества, – утверждал он, сомневаясь в «прогессе военном», – заключается в обращении всего рождающегося, само собой делающегося – производящегося, а потому и смертного – в трудовое и потому бессмертное”¹⁸.

Вл. Соловьев поверхностно понял Федорова, в чем и признавался автору нового учения¹⁹, но идею единства человеческого общества подхватил и разрабатывал в своем духе. В русской советской науке уже говорилось об оригинальности учения Федорова в сопоставлении с взглядами его современника Л. Толстого, в частности в понимании труда как понятия и его практического воплоще-

¹⁵ Там же, с. 246.

¹⁶ *Философский энциклопедический словарь*, Москва 1983, с. 715.

¹⁷ Н. Ф. Федоров (1828-1903), *Сочинения. Философское наследие*, Москва 1982, с. 555-557.

¹⁸ Там же, с. 452.

¹⁹ Там же, с. 651.

ния²⁰. Философская идея Федорова „общего дела” как пути к братству между людьми не связывалась ее создателем ни с религией, ни с социализмом. Эти аспекты разрабатывал Вл. Соловьев, сделав центральной темой своих философских рассуждений саму федоровскую идею единства и заслонив тем самым другие направления самостоятельной русской общественной мысли конца XIX – начала XX века.

Тем самым решение вышеназванной проблемы отношений между Востоком и Западом возвращалось на исходные позиции времени И. Киреевского, т.е. тесно связывалось с нерешенными национальными проблемами. Национальная идея у Соловьева, включавшая целый спектр вопросов от „Константинополь, рано или поздно, должен принадлежать нам” (по Достоевскому), под, которым понималось общеславянское единство, до „общечеловека”, „всеобщего человечества”, понимаемое как путь разрешения европейских и мировых проблем при влиянии и прямом участии России. В таком примерно виде увидели экспрессионисты результат почти столетнего шествия утопической идеи Великой Французской революции в России, стоявшей, как им предчувствовалось, перед теми же проблемами, перед которыми стояла Франция в конце XVIII столетия.

Восприятие русской общественной мысли в Германии в начале XX века поэтами, писателями, историками, философами, религиозными философами, антропологами, социологами различных направлений представляет собой исключительно огромную сферу еще малоизученного материала о восприятии Достоевского, особенно связанной с проблематикой „демонологии”, „христологии” в творчестве русского классика. На это указывал еще К. Онасч, справедливо подчеркивая, что „Eine solche Untersuchung wäre nicht nur sehr reizvoll, sondern aus theologischer Sicht auch dringend notwendig gewesen”²¹.

В рамках данной работы представляется возможным затронуть лишь некоторые вопросы, касающиеся непосредственно экспрессионистских журналов „Die weißen Blätter”, „Die Aktion”, главные теоретики которых Л. Рубинер и М. Шелер внесли важный вклад в восприятие на новом витке истории передовой русской мысли, связанной с именами Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева, Леонтьева, Мережковского, Герцена, Баку-

---

²⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, в двух томах, т. I, Москва 1978, с. 587. Подр. см. об соотношениях идей Толстого и Федорова в: Н. П. Петерсон, *Н. Ф. Федоров и его книга „Философия общего дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого о „непротивлении” и другим идеям нашего времени*, Верный 1912; И. М. Ивакин, *Записки*. В кн.: Литературное наследство, т. 69, кн. 2; С. Г. Семенова, *Николай Федорович Федоров, „Прометей”*, т. II, Москва 1977, с. 100; *Философский энциклопедический словарь*, Москва 1983, с. 715 и др.

²¹ К. Onasch, *Der verschwiegene Christus: Versuch über die Poetisierung des Christentums in der Dichtung F. M. Dostojewskis*, Berlin 1976, с. 206.

нина и др. В кругах экспрессионистов вокруг журналов „Die Aktion” и „Die weißen Blätter” восприятие русской философии, общественной мысли существенно различались друг от друга, сходясь в одном: и берлинская и цюрихская группы ощущали качественный апогей теории социальных утопий в России в предверии гигантских общественных потрясений.

THE RECEPTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE ENVIRONMENT
OF GERMAN EXPRESSIONISTS (PART I)

by

VALENTIN BELENTSCHIKOV

Summary

In the first part of a larger article the author presented philosophical aspects of impacts and influences of Russian philosophy on German expressionists. This is the first attempt at analysing the role and significance of the Russian idealistic philosophy (from I. Kirievski to V. Soloviov and their followers) and of the conception of Russian theoreticians of anarchism (M. Bakunin and P. Kropotkin) in the social and literary activities of German expressionists. The author of this article arrives at a conclusion that the above mentioned ideas of Russian philosophers played an exceptionally important role first of all in the activities of two German expressionist journals: “Die weißen Blätter” and “Die Aktion”.